

ПОСЛЕ КАТКОВА: КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ В 1888 Г.¹

AFTER KATKOV: CONSERVATIVE PUBLICISTS IN 1888

A. Kotov

Summary: The article is devoted to the crisis faced by Russian conservative nationalists in the late 1880s, after the death of their leader M.N. Katkov, who in the last period of his activity became one of the leading ideologists of the Russian-French rapprochement. K.P. Pobedonostsev, A.S. Suvorin, S.S. Tatishchev and others acted as successors of Katkov's ideas; their active critic was Prince V.P. Meshchersky. On the pages of his newspaper «Grazhdanin», he consistently denounced the main provisions of the Katkov «direction», which in the near future were destined to be embodied in public policy: classical education, state railways, the idea of an alliance with republican France.

Keywords: Katkov, Bogdanovich, Alexander III, nationalism, conservatism, salon, propaganda, journalism, journalism.

Котов Александр Эдуардович

Д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет
a.kotov@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена кризису, с которым столкнулись русские консервативные националисты в конце 1880-х гг. после ухода из жизни своего вождя – М.Н. Каткова, ставшего в последний период своей деятельности одним из ведущих идеологов русско-французского сближения. К.П. Победоносцев, А.С. Суворин, С.С. Татищев и пр. выступили как продолжатели идей Каткова; их активным критиком стал выступавший с позиций сословного консерватизма князь В.П. Мещерский. На страницах своей газеты «Гражданин» он последовательно обличал основные положения катковского «направления», которым в ближайшее время было суждено найти своё воплощение в государственной политике: классическом образовании, государственных железных дорогах, идее союза с республиканской Францией.

Ключевые слова: Катков, Богданович, Александр III, национализм, консерватизм, салон, пропаганда, публицистика, журналистика.

Эпоха великих реформ – со всеми сопровождавшими её потрясениями – была и временем общественной реакции на либеральные реформы. В 1860-е и начале 1870-х гг. друг другу противостояли два разных консерватизма – сословно-аристократический и национальный. Консерваторы, в частности, по-разному смотрели на Восточный вопрос: консервативные националисты сочувствовали балканским соплеменникам и единоверцам, их противники в противовес впервые сформулировали лозунг «Россия для русских» [14]. Но главное: сословные консерваторы (Шедо-Ферротти, партия газеты «Весть» и пр.) видели будущую Россию наднациональным союзом дворянских корпораций, объединенных личностью монарха. Наоборот, консервативные националисты (славянофилы, «птенцы гнезда Каткова», публицисты суворинского круга) вслед за Ю.Ф. Самариным считали этот проект «многоженством, возведенным в политическую систему» [1, с. 60], а «приют русского торизма» видели в «черной избе крестьянина» [23, с. 402]. Скомпрометировав себя сочувствием мятежной польской шляхте, сословные консерваторы в этом противостоянии проиграли – и в 1870-е гг. их новый идеолог Р.А. Фадеев искал компромисса с националистическим «русским направлением». Впрочем, уже тогда – в особенности, после греко-болгарского церковного раскола у последнего появляются новые критики: В.П. Мещерский, Н.Н. Дурново и К.Н. Леонтьев. За их спиной стоял главный оппонент К.П. Победоносцева и Н.П. Игнатье-

ва – готовившийся занять должность государственного контроллера Т.И. Филиппов [17, 248–257].

Это был последовательный оппонент «бюрократического национализма», злейший враг М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева. Позже В. П. Мещерский объяснял их вражду личными соображениями [18, с. 785–786]. Однако разногласия между К.П. Победоносцевым и Т.И. Филипповым носили принципиальный характер. Первый был сторонником синодального строя, второй выступал за самостоятельную политическую роль православной Церкви и созыв Вселенского собора. Диаметрально противоположные позиции заняли два государственных деятеля во время греко-болгарского церковного раскола 1872 г. Различными были и их подходы к внешней политике в конце 1880-х гг. [15, с. 15–20]. Практически сразу после смерти М.Н. Каткова подконтрольный Т.И. Филиппову «Гражданин» В.П. Мещерского обрушился сразу на два некогда возведенных Катковым «бастиона»: казенные железные дороги [8, с. 3] и классическое образование [10, с. 3]. Тема эта была для Мещерского постоянной – не случайно А.В. Богданович 14 января 1888 г. записала в своём дневнике: «Его статьи о школе мне надоели, он повторяется» [3, л. 12 об].

Ярким эпизодом противостояния двух конкурирующих консервативных лагерей стала полемика вокруг киевских торжеств, посвященных 900-летию крещения

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 20-09-00005.

Руси. Сообщая об этом событии, «Гражданин» возмущенно указывал: «Если верить газетам, в программу празднования внесено будто приглашение и участие болгарских епископов!». Эта «печальная и оскорбительная для достоинства и правды Православной Церкви мысль» связывалась с инициативой известного своим «болгаробесием» Н.П. Игнатъева [6, с. 2]. В ответной передовице «Московских ведомостей», ведущим публицистом которых был в этот период ближайший сподвижник Каткова Н.А. Любимов, «Дневники» Мещерского назывались «винегретом развязной и разнузданной болтовни». Автор «Московских ведомостей» утверждал, что программа юбилейных торжеств определялась церковными властями и находилась «вне действия каких-либо гражданских или политических влияний и веяний». В свою очередь, он указывал, что в публикации «Гражданина» обойден вниманием факт визита на торжества в Киев главного врага Филиппова – Победоносцева, чье активное в них участие подробно освещали «Московские ведомости». Из всего этого делался вывод: «Всем своим складом, совокупностью содержащейся в нем клеветы и инсинуации против лица, пользующегося и общим и заслуженным уважением, этот “Дневник” как нельзя более напоминает собой те памфлеты, которые в Америке и иных странах пускаются в ход во время избирательных периодов чтобы подкосить одного и выдвинуть другого кандидата на ту или другую должность». Это давало автору повод требовать назвать имя человека, ради которого появился указанный материал. Примечательно, что в том же номере «Московских ведомостей» была помещена статья «Разговор с графом Игнатъевым», корреспонденция издававшаяся в Венгрии сербской газеты «Застава», в которой, помимо прочего, приводилось мнение графа по болгарскому вопросу [20, с. 1]. Внимательно следившая за этой полемикой и прекрасно знавшая её контекст А.В. Богданович заметила в своем дневнике, что в этой статье «Московских ведомостей» «сквозит желание уязвить не столько Мещерского, сколько Тертия Филиппова, они намекают, что “Гражданин” его проводит в представителя [глав]ного на этот праздник и требуют, чтобы было названо им имя, этим кончают статью» [2, л. 12 об].

Впрочем, критика самого Победоносцева на страницах «Гражданина» была, как правило завуалированной, без упоминания имен. Ярким примером подобного подхода стала обширная статья «Где люди?». Обыгрывая известную пессимистическую формулировку Победоносцева «нет людей!», Мещерский рассуждал: «Где люди? Когда мы таким образом ставим вопрос, мы разумеем под словом “люди” - правительственные люди. Где люди, из среды которых правительство могло бы вербовать себе рабочие силы. <...> По странному, и по нашему мнению, весьма прискорбному недоразумению, вопрос этот всего реже приходится слышать в петербургских сферах государственной службы, а если он задается случайно или мимоходом, то почти всегда в ответ на вопрос:

где люди? приходится слышать короткий ответ: *нет людей*, да и только. Можно было ожидать хотя бы намеков на поиски людей со стороны того или другого официального лица, менее настойчивые и менее озабоченные, может быть, чем поиски “человека” Диогена, но все же поиски в интересах правительственного дела; но нет, почти всегда нам приходилось видеть, как на этих словах: “нет людей” успокаиваются те или другие правительственные слуги, как будто долг искать людей лежит на какой-то до них не касающейся силе, и как будто без людей или при недостатке людей дело по их мнению может идти удовлетворительно.

А между тем, рядом с этими правительственными людьми ведь есть люди так называемые общественные, интеллигентные, состоящие, как известно, из людей или равнодушных к правительственной среде, или из критикующих их деятельность, или из представителей разных либеральных образов мыслей, скорее враждебно, чем сочувственно расположенных к нынешней политике правительственных деятелей. Здесь тоже задается вопрос: где люди? Но только с тою разницею, что пока в так называемых охранительных лагерях, ставших правительственными, находят возможным квиэтизм доводить до ответа «людей нет», и успокаиваются, – в лагере неправительственных людей, говорят, люди есть, но не у правительственных партий, а у нас, либералов, и затем они приходят и приводят других к выводу, что этих людей у них очень много, но чтобы их добыть, нужно их призвать в сотрудники к правительству посредством той или другой формы представительного образа правления, или *конституции*.

Таким образом, если допустить, что верно то, что мы говорим про оба лагеря, то выходит, что мы опять-таки имеем дело с таким положением вещей, при котором квиэтизму одного лагеря, охранительного или правительственного, противопоставляется известная умственная работа в лагере либеральном, медленно, правда, пассивно даже, но всё же неукоснительно ведущая, по поводу вопроса, “где люди”, к своей любимой теме: люди в конституции, работа так или иначе воспитывающая общество в этой мысли». Публицист выражал убеждение в том, что «в русском обществе в настоящее время гораздо более с охранительным направлением людей, чем либералов-западников и гораздо более правительственных слуг, чем по-видимому себе это представляют те государственные люди в Петербурге, которые с одной стороны не умеют слушать русского человека <...>, а с другой стороны, как-то робко относясь к своей собственной инициативе, не прочь подчас предпочесть либерала эпохи веяний под предлогом того, что он способнее, хоть и не надежен» [7, с. 1].

За полемикой «Московских ведомостей» и «Гражданина» следил К.Н. Леонтьев, отмечавший, что со стороны

Н.А. Любимова это «полемика грубая и грязная по отношению к Мещерскому и Филиппову» [4, с. 610]. Любимов усматривал в поведении князя шутовские наклонности и стремление «играть роль Каткова, давать государственные советы, влиять на прочность положения государственных лиц» [19, с. 3]. Князь, в свою очередь, характеризовал «бывшего секретаря у покойного редактора “Московских ведомостей”» и других сотрудников редакции как «книжников и фарисеев, лицемеров, укушенных в большое место» [5, с. 3]. Позднее он описывал газету С.А. Петровского как «лже-Московские ведомости», пытающиеся «заменить Каткова фельетонами и рубриками» и тем самым превратившиеся из «оперы в оперетку» [9, с. 4].

Впрочем, наиболее яркие «птенцы гнезда Каткова» в этот период действительно покинули бывшую катковскую редакцию и перебрались в суворинское «Новое время». А.С. Суворин, крайне сложно относившийся к Каткову и его наследию, тем не менее, придерживался одинаковых с ним взглядов на вопросы внешней политики. Презирая Е.В. Богдановича, он поддерживал и тесные связи с его салоном [16, с. 107–114]. Большой интерес в последнем вызвала обширная работа С.С. Татищева «Россия и Болгария. Историческая справка», которая печаталась в апрельских номерах «Нового времени» (№№ 4347–4350, 4354–4356, 4359, 4361, 4363, 4364, 4368–4370). На задачи этого сочинения прозрачно намекал предпосланный ему эпитафия из «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина: «Доселе говорил я о царствованиях минувших — буду говорить о настоящем, с моею совестью и с государем, по лучшему своему уразумению. Какое имею право? Любовь к Отечеству и монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, т.е. в их творениях. Чего хочу? С добрым намерением — испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет история». В преамбуле Татищев отмечал, что «в силу своего исторического призвания Россия освобождала одну за другою христианские народности Балканского полуострова, находившиеся под господством турок». Однако, «вглядываясь в отношения, установившиеся между державою освободительницею и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отметить того поразительного по своему постоянству явления, что по мере достижения независимости каждую из упомянутых стран, русское влияние в них постоянно падало, и новообразованные государства становились часто в положение даже враждебное России, которая таким образом освободительную миссию свою совершала в явный ущерб себе и своему политическому воздействию на судьбы Востока». Однако именно события в Болгарии, по мнению Татищева, превышали «всякую меру политической благопристойности» и требовали как анализа просчетов, так и

альтернативной политической доктрины [22, с. 1–2].

Главным объектом своей критики Татищев, по обыкновению, избрал Министерство иностранных дел и те общественные силы (включая славянофилов), что пытались проводить «благотворительную» внешнюю политику. Настаивая на катковской концепции политики национальных интересов, в последней из вышедших на страницах «Нового времени» заметок Татищев утверждал, что на Константинопольской конференции, следовавшей за объединением Болгарии, Россия должна была отказаться от соблюдения Берлинского трактата. Татищев считал, что «Берлинский трактат пагубен для России не столько теми или другими из отдельных его условий, сколько подтверждением начала, провозглашенного впервые парижским договором 1856 года, начала, в силу коего, Россия лишена права самостоятельно ограждать и защищать свои интересы на Востоке, а обязалась все относящиеся до Балканского полуострова дела обсуждать и решать не иначе, как сообща с прочими державами, участницами обоих трактатов. Таким образом, упразднение берлинского договора имело бы прямым последствием возвращение России утраченной ею свободы определять свои отношения к балканским государствам согласно собственным нуждам и пользам, не справляясь с мнением великих держав и не стесняясь так называемым «европейским концертом», который, по справедливому замечанию Аксакова, «вообще всегда был не чем иным, как заговором, направленным против интересов России, причем все участники концерта, кроме России, как римские авгуры перемигивались насмешливо между собою». Как следствие, «выгоды, проистекающие для России от возвращения ей полной свободы действий на Востоке, до того очевидны и неисчислимы, что разумная и патриотическая дипломатия обязана была бы поставить достижение такой свободы целью своих усилий и не только не устранять осложнения, к ней ведущие, но напротив, по возможности вызывать их. Так, вероятно, и поступили бы наши дипломаты, если бы по какому-то непонятному ослеплению, не усматривали в берлинском трактате палладиум европейского мира, провозглашаемого ими высшим интересом и конечною целью русской политики» [21, с. 2].

На последней из процитированных рекомендаций публикация в «Новом времени» оборвалась. Оставшаяся часть «исторической справки» — прямо в газетных гранках — вышла в том же году отдельной брошюрой. В ней Татищев еще раз указывал на главный источник внешнеполитических провалов России — «политику отвлеченных начал», основанную на «великодушии и бескорыстии»: «Она имеет целью на Западе — мир и благоденствие Европы, на Востоке — счастье и процветание христианских племен, его населяющих. В этом отношении ... Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат — плоды одного и того же древа» [24, с. 50]. Татищев ука-

зывает на «иностранцев и иноверцев», завладевших «внешними сношениями России» и внесшими в них «пустоту внутреннего содержания», «посредственность и бездарность» [24, с. 51]. Болгарии же публицист предлагал навязать «союзную конвенцию», гарантировавшую «чтобы Болгария не являлась притоном для наших внутренних врагов и не обращалась в орудие против нас в руках врагов внешних» [24, с. 53].

Разумеется, поддерживало «Новое время» и сближение с Францией, вполне совпадая в этом с внешнеполитическим курсом Александра III. В свою очередь, прекрасно чувствующий настроения верхов В.П. Мещерский не осмеливался ничего этому возразить – однако указывал на неизбежные на этом пути сложности. Так, «Дневник» В.П. Мещерского от 6 февраля был посвящен поиску почвы для сближения между монархической Россией и республиканской Францией. Публицист выражал уверенность в том, «что враги Франции суть враги в то же время восстановления в ней монархии, и что честные республиканцы-французы делаются жертвами окружающих их со всех сторон космополито-еврейских оболещений и обманов, когда они так искренно стоят за форму правления, поставившую на вершины Франции не людей сильной власти, а людей партий, партийных страстей и подпольных интриг. В их сфере никогда не может выясниться, вырасти, окрепнуть ... ни одна государственная мысль; в этой сфере всегда мелкие интересы меркантильной будничной жизни будут царить над всеми идеальными заботами и никогда, вследствие этого, нам, русским, не видеть идеи действительного сближения французов с русскими, восходящей до вершины государственного и народного интереса». Как следствие, Мещерский призывал к тесному взаимодействию прежде всего с правыми французскими кругами, что избавило бы русских от «компромисса со своей совестью,

с своими преданиями и принципами, которые могли бы этого русского постоянно приучать смотреть с меньшим благоговением на все те идеалы, которые его народ чтит, а француз-республиканец разрушает» [11, с. 3].

В «Дневниках», посвященных последним дням императора Фридриха-Вильгельма и перспективам русско-германских отношений при Вильгельме II, Мещерский сообщал, что повсюду слышит один и тот же распространенный в обществе «разговор на одну и ту же тему: ну что, война или мир?» По его мнению, «вряд ли когда-либо шансы к прочному миру были так прочны, как в настоящее время». Единственным поводом ожидать войны была любовь нового императора Вильгельма II к «военно-полковой жизни с ее ученьем и ее развлеченьем», «причин же ожидать мира очень много». По его мнению, были невозможны ни война Германии с Францией («французы боятся войны гораздо больше конца мира и страшного суда, а идти на них без вызова было бы актом безумия»), ни Германии с Россией («ибо Германия есть ничто иное, как детище мира Германии с Россией»). Не видел князь и поводов к войне, не считая за таковые ни ситуацию в Болгарии и Сербии, ни «захваты Австрии на Балканском полуострове». Мещерский выражал уверенность в том, что «политика предоставления Болгарии свободы разрушаться есть умнейшая», прочие же споры легко разрешатся после «одного энергичного слова нашего кабинета по адресу венского» [12, с. 3]. На следующий день князь возвращался к тезису о невозможности войны, напоминая, впрочем, что «мы никогда не можем быть технически готовыми к войне, это аксиома русской жизни; но мы всегда готовы к войне в смысле состояния души, воспринимаящей оскорбления своего царя, своего отечества и своей веры и не знающей предела для отмщения грудью за эти три идеала» [13, с. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1861–1876). СПб.: Владимир Даль, 2015. 448 с.
2. Богданович А.В. Дневник. Июнь–октябрь 1888 // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 240.
3. Богданович А.В. Дневник. Январь–март 1888 // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 238.
4. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. 1184 с.
5. Гражданин. 1887. 4 декабря. № 65.
6. Гражданин. 1888. 19 июня. № 169.
7. Гражданин. 1888. 22 июля. № 202.
8. Гражданин. 1888. 28 января. № 28.
9. Гражданин. 1888. 4 января. № 4.
10. Гражданин. 1888. 5 января. № 5.
11. Гражданин. 1888. 7 февраля. № 38.
12. Гражданин. 1888. 8 июня. № 158.
13. Гражданин. 1888. 9 июня. № 160.
14. Иванов А.А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.

15. Котов А.Э. Русские консерваторы во второй половине 1880-х гг.: внешнеполитический аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 9. С. 15–20.
16. Котов А.Э. «Ненадежный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // Российская история. 2020. №1. С. 107–114.
17. Котов А.Э. Русский национализм и православие во второй половине XIX в. // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 248–257.
18. Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 860 с.
19. Московские ведомости. 1887. 2 декабря. № 332.
20. Московские ведомости. 1888. 24 июня. № 173.
21. Новое время. 1888. 28 марта. № 4370.
22. Новое время. 1888. 5 апреля. № 4347.
23. Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М.: Д. Самарин, 1877. 404 с.
24. Татищев С.С. Россия и Болгария. Историческая справка. СПб.: без титула, 1888. 56 с.

© Котов Александр Эдуардович (a.kotov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Санкт-Петербургский государственный университет